

И.ГРАБАРЬ. ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЫМ

Жизнь Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960) была на редкость плодотворной и разнообразной. Расцвет его творчества как живописца-новатора выпал на 1900-е годы. В это время были написаны его знаменитые картины, вошедшие в золотой фонд русского искусства первой половины XX века: «Февральская лазурь», «Мартовский снег», «Хризантемы», а также великолепные портреты, натюрморты, пейзажи. С не меньшей страстью И.Грабарь погрузился в музейное дело, а также в научную реставрацию памятников древнерусского искусства. Под его руководством были организованы реставрационные мастерские, а также научный центр реставрации, который и теперь носит его имя. Много сил он уделял воспитанию молодой творческой смены художников и реставраторов, четверть века являясь профессором Московского художественного института. Он был избран действительным членом Академии наук СССР, имел звание народного художника СССР. До глубокой старости он пронес многие традиции культуры «серебряного века». Работая с журналом «Мир искусства», он подготовил серию монографий о русских художниках (В.Серове, И.Левитане и других). Много лет он посвятил созданию уникальной многотомной «Истории русского искусства», оставил для потомков замечательную биографическую книгу «Моя жизнь». Эпиграфом к своей автобиографии он выбрал слова И.Репина: «Искусство я люблю больше добродетели...» Эти слова наиболее полно отражают смысл жизни художника и его завещание молодым.

И.Грабарь.
Фото.

И. Грабарь.
Февральская лазурь.
Холст, масло, 1904. ГТГ. ▶

Портрет М.И.Грабаря,
сына художника.
Холст, масло. 1935. ГТГ.

«Искусство я люблю больше добродетели, больше, чем людей, чем близких, чем друзей, больше, чем всякое счастье и радости жизни нашей. Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница, – неизлечимо. Где бы я ни был, чем бы я ни развлекался, кем бы ни восхищался, чем бы ни наслаждался, оно всегда и везде в моей голове, в моем сердце, в моих желаниях, лучших, сокровеннейших. Часы утра, которые я посвящаю ему, – лучшие часы моей жизни. И радости и горести – радости до счастья, горести до смерти – всё в этих часах, которые лучами освещают или омрачают все прочие эпизоды моей жизни. Вот почему Париж или Парголово, Мадрид или Москва – все второстепенно по важности в моей жизни – важно утро от 9 до 12 перед картиной». (Репин. Из письма к Стасову от 27 июля 1899 г.).

Приводя в порядок свою переписку давних лет, я сделал неожиданное и, каюсь, не слишком приятное для меня открытие: оказалось, что она охватывает ни больше ни меньше как добрых полвека – свыше 2000 писем, полученных мною от лиц самых разнообразных положений, занятий, состояний, классов, начиная с детских школьных времен до наших дней.

Почти все эти письма, ответные на мои; последние, конечно, в большей части погибли, но и ответные перенесли меня в далекие дни детства, отрочества, юности, ранней возмужалости, воскресив в памяти давно минувшие дела, встречи, мысли, чувства. Перечитывая их сейчас, я так уходил в прошлое, что уже не мог оторваться, и мне захотелось восстановить по ним летопись своей жизни.

Надо ли говорить, что главное содержание переписки – искусство, искусство и искусство. С детских лет до сих пор оно для меня почти единственный источник радости и горя, восторгов и страданий, восхищения и возмущения, единственное подлинное содержание жизни.

Прежде всего, читатель вправе

задать мне вопрос: почему я, отдавший добрую половину жизни служению самой широкой общественности, взял эпитафией к своей повести цитату из Репина, в которой этот замечательный художник как бы намеренно суживает круг и своих интересов, и своего служения человечеству одной областью искусства? Не возводит ли и сам Репин на себя некий поклеп этим письмом?

Я взял этот эпитафий, потому что, по моему глубочайшему убеждению, без той одержимости страстью к искусству, о которой говорит Репин, занятие искусством не может дать сколько-нибудь ощутимых результатов. Ко мне часто обращаются знакомые и незнакомые за советом, как быть с детьми, обнаруживающими способности к рисованию, как учить, чтобы не искалечить дарование, что делать, чтобы оно не заглохло? Я каждый раз отвечаю одно и то же: если есть опасность, что дарование заглохнет, значит, яркого дарования нет, подлинная страсть, ее ничем не заглушить, и она скорее разгорится от помехи, чем от помощи, – лучше поэтому мешать, чем помогать.

Мне действительно довелось в жизни уделять исключительно много времени общественной деятельности, но ведь это было также служение искусству, искусству и искусству. Ставил ли я «Рафаэля» Аренского с лучшими силами Мариинского театра в пользу недостаточных студентов Академии художеств, писал ли статьи в «Ниве» и «Мире искусства», организовывал ли «Современное искусство», строил ли больницу, выпускал ли «Историю русского искусства», реформировал ли Третьяковскую галерею, конструировал ли музейный отдел, налаживал ли дело охраны памятников искусства и старины и их реставрации, открывал ли новых Рафаэлей и Франсов Халсов, все это совершалось из страсти к искусству, во имя искусства, совершалось потому, что без этого я не мог существовать, не мог дышать ни один день моей жизни. Я благоговяю свою судьбу и считаю себя исключительным счастливецом, что революция не заставила меня переключаться на иную работу, забросив свое прямое дело, а, напротив того, дала мне возможность еще шире и глубже развернуть то, что я люблю, что знаю и что умею.

Меня часто спрашивают, как мог я физически успевать делать все то, что довелось сделать. Думается, только потому, что была воля к труду и страсть к труду: как не мог я жить без искусства, так не мог дня прожить без труда, помня всю жизнь правило, по которо-

му лучший отдых – есть перемена работы. В мюнхенские годы я ложился в девять часов вечера и вставал в четыре утра. С тех пор раннее вставание вошло в привычку, хотя оно и досталось мне путем значительного укорачивания вечеров со всеми его последствиями: невозможностью частых посещений театра, концертов, интересных собраний, вечеров, дискуссий. Мне вовсе незнакома и даже прямо чужда жизнь артистической богемы; не люблю ночей, ни темных, ни лунных, не видя в них поэзии; утро люблю больше

Встреча И.Грабаря со школьниками
на выставке И.Е.Репина.
Фото. 1936.

вечера и обожаю солнце. Может быть, оттого мне всегда было органически противно всякое кривляние в искусстве, все противоестественное, деланное; может быть, поэтому я люблю только радостное, радужное, ясное, светлое, люблю вещественность и реальность, не принимаю и не понимаю беспредметности, абстракций и всяких мудрствований: «Где просто, там ангелов со сто».

Отсюда вытекает и мое отношение к вопросам художественных мудрований, характерных для блаженной памяти Вхутемаса и Вхутеина, искалечивших целое художественное поколение; взамен нужных для практики искусства элементарных знаний оно приобрело привычку к дешевой «философии искусства». В художественной школе надо учить только простейшим и бесхитростным вещам, только грамоте, отбрасывая все заумности, как ненужный хлам, отнимающий и без того немногие часы занятий. Надо учить азбуке рисования и живописи – все остальное учащийся постигнет сам, в процессе своего роста и на производстве. Не надо забивать голову зыбкой философией композиции, модной в некоторых «левых» графических кругах, учениями об «оформлении простанства», до сих пор все еще весьма спорными и сомнительными. Ближе к делу, побольше ясности и простоты. Вот вывод из моего долгого собственного педагогического опыта в дни «школы Ашбе и Грабаря» в Мюнхене. Искалечили одно поколение, ради всего для вас святого, не калечьте другого. Я знаю, как негодуют сейчас искалеченные вами тогда, как хватаются они за малейшую возможность пополнить хоть несколько запас своих скудных знаний, ликвидировать свою малограмотность. Мы упираемся здесь в проблему освоения культурного наследия прошлого. Освоить его без постоянной и вдумчивой оглядки назад, без посещения музеев и без коллекций хороших больших фотографий с классиков-рисовальщиков и живописцев – нельзя, но эта коллекция, в противоположность практике старого времени, должна

быть пополнена образцами нового и новейшего искусства. Нельзя кончать эпоху классиков «последним великаном» Тьеполо, ибо и после него были подлинны великаны: Шарден, Рейнолдс, Гейнсборо, Левицкий, Делакруа, Энгр, Милле, Курбе, Мане, Моне, Ренуар, Дега, Лейбль, Репин, Серов, Суриков.

Кроме азбуки рисунка и живописи в школе и вузе должно быть видное место уделено азбуке техники, азбуке ремесла. Как готовить холст, как тереть краски и даже как добывать хотя бы наиболее простые и необходимые пигменты, какие бывают связующие вещества, какие есть роды живописной техники, какова роль смол и лаков в живописи и т.д. Само собою разумеется, что должны восстановлены в своих правах и упраздненные эпохой всяческих «измов» подсобные дисциплины: анатомия, перспектива, теория теней и т.п.

Очень бы советовал тем молодым и даровитым художникам, которые склонны к художественной спеси и чванству, ибо несколько неосторожно и слишком рано были возведены в гении, оглянуться назад, на историю искусства и хотя бы вчитаться в то, что мне некогда рекомендовал П.И.Чайковский в качестве жизненного напутствия. Отрезвляющий смысл его реплик поможет им вновь сойти с Олимпа на землю, уйти в работу и набраться новых сил. Они создадут вещи во много раз сильнее и убедительнее прежних.

Я думаю, они не будут на меня в обиде за этот совет. Мне идет уже седьмой десяток, я немало пережил и перечувствовал за свою жизнь и изрядно поработал, приобретаю некоторое моральное право давать советы. Я пережил дни восторга и горечи, дни удач и невзгод, подъема и падений, переживал не раз минуты разочарования в своих силах, бывал близок к отчаянию. Но, памятуя золотые слова Чайковского, до полного отчаяния не доходил, пересиливая волевой встряской упадочное настроение. Советую и вам, молодые, сильные, смелые, пришедшие и идущие нам на смену, в черные дни сомнений не предаваться отчаянию, а лишь втрое интенсивнее работать, чтобы снова вернуть веру в себя. Помните, что человек при настойчивости и трудовой дисциплине может достигнуть невероятных, почти фантастических результатов, о которых он никогда и мечтать не дерзал. Но помните, что никогда ни один день не следует довольствоваться достигнутым результатом. Я знаю, что сегодня я умею больше, чем вчера, но завтра буду уметь больше, чем сегодня, а послезавтра – еще больше. С этой верой и в этом убеждении я уже ежедневно сажусь за мольберт, и нет человека, который мог бы меня сбить с моего пути и разуверить в моей вере.

Все, что было мною сделано вчера, сегодня уже никуда не годится, сегодняшнее только сносно и терпимо, но настоящее, подлинное придет только завтра.